

© 2015 г.

Генерал армии М.А. ГАРЕЕВ

МАНЬЧЖУРСКАЯ СТРАТЕГИЧЕСКАЯ НАСТУПАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ СОВЕТСКИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ

Вступление Советского Союза в августе 1945 г. в войну против милитаристской Японии и победоносная кампания на Дальнем Востоке имели важнейшее военнополитическое значение для победоносного завершения Второй мировой войны. За короткий срок была разгромлена японская миллионная Квантунская армия, что ускорило капитуляцию Японии. Прежде всего, разгромом Японии в 1945 г. был смыт позор поражения в русско-японской войне 1904–1905 гг., возвращены Южный Сахалин и Курильские острова.

С военной точки зрения Маньчжурская стратегическая наступательная операция советских войск по оригинальности замысла и мастерству исполнения – одна из выдающихся в мировой военной истории. В ней нашел воплощение опыт военной мысли и военного искусства, накопленный Советскими Вооруженными Силами за время Великой Отечественной войны.

ЗАМЫСЕЛ МАНЬЧЖУРСКОЙ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ОПЕРАЦИИ

Три месяца 1945 г., прошедших между поражением Германии и началом военных действий против Японии, происходила огромная работа по планированию, перегруппировке войск и подготовке их к боевым действиям. На Дальний Восток были перебросены 400 тыс. человек, 7 тыс. орудий и минометов, 2 тыс. танков и самоходных артиллерийских установок, 1100 самолетов¹.

Замысел Маньчжурской стратегической наступательной операции состоял в том, чтобы концентрическими рассекающими ударами Забайкальского фронта (маршал Р.Я. Малиновский) со стороны Монголии и 1-го Дальневосточного фронта (маршал К.А. Мерецков) – из Приморья, 2-го Дальневосточного фронта (генерал армии М.А. Пуркаев) – с севера при активном содействии Тихоокеанского флота (адмирал И.С. Юмашев) расчлнить, окружить и уничтожить или вынудить к капитуляции Квантунскую армию Японии и одновременно проведением десантных операций освободить южную часть о. Сахалин и Курильские острова.

Операцию предстояло проводить против очень сильной группировки противника, насчитывавшей около 1 млн человек, 6260 орудий и минометов, 1150 танков, 1500 самолетов. Вдоль границы враг создал долговременные укрепления.

Подготовка операции осуществлялась заблаговременно. В Генштабе эта работа началась сразу после Ялтинской конференции. Маршал К.А. Мерецков с оперативной группой выехал на Дальний Восток, где изучил обстановку и выработал предложения по подготовке операции. Непосредственная подготовка операции с подключением

* *Гареев Махмут Ахметович* – генерал армии, доктор военных и доктор исторических наук, профессор, президент Академии военных наук России.

¹ *Гареев М.А.* Маньчжурская стратегическая наступательная операция 1945 года. – Новая и новейшая история, 2005, № 5.

командований фронтов началась весной 1945 г. 3 августа 1945 г. А.М. Василевский, назначенный главнокомандующим советскими войсками на Дальнем Востоке, и начальник Генерального штаба А.И. Антонов докладывали Сталину окончательный план Маньчжурской стратегической операции. Маршал Василевский предлагал начать наступление только силами Забайкальского фронта, а в полосах 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов проводить лишь разведку боем с тем, чтобы главными силами этих фронтов перейти в наступление через 5–7 суток. Сталин с таким предложением не согласился и распорядился начать наступление одновременно всеми фронтами. Как показали последующие события, такое решение было более целесообразным, поскольку одновременный переход фронтов в наступление лишал Дальневосточные фронты внезапности действий и позволял противнику маневрировать силами и средствами для последовательного нанесения ударов на монгольском и приморском направлениях.

После Парада Победы в июне 1945 г. все командующие выехали к местам назначения. Началась напряженная работа по подготовке операции; ее сложность состояла не только в том, что все подготовительные мероприятия предстояло осуществить в условиях, когда не было официального состояния войны с Японией. Опыта, когда Советская Армия первой начинала бы военные действия (за исключением зимней советско-финляндской войны), не было. Условия ведения операции, особенно перехода в наступление, существенно отличались от тех, что были на советско-германском фронте.

Из этого вытекали особенности и новшества в военном искусстве. Во-первых, особое значение придавалось обеспечению скрытности всех подготовительных операций, внезапности перехода в наступление. С запада на восток в первую очередь переводились те соединения, которые в свое время были переброшены с Дальнего Востока на советско-германский фронт. При отсутствии состояния войны разведку можно было вести только наблюдением и при помощи агентурной разведки, отличавшейся высокой надежностью. Заросшая таежная местность затрудняла наблюдение. Воздушную разведку с нарушением границы или разведку боем также невозможно было вести. Однако без достоверных данных о противнике, особенно о состоянии его объектов огневых средств, не представлялось возможным конкретно спланировать и осуществить эффективное боевое применение артиллерии и авиации.

Во-вторых, с точки зрения соблюдения скрытности, было нецелесообразно до начала военных действий выдвигать в приграничную зону, в исходное положение для наступления большое количество соединений и частей, в частности, артиллерию. Прорыв же укрепленных районов по канонам военного искусства требовал организации мощной артподготовки, наступления из положения непосредственного соприкосновения с противником.

Учитывая это, Главное командование войск на Дальнем Востоке первоначально предполагало провести артиллерийскую и авиационную подготовку в течение трех суток, создав на направлении главного удара плотность до 250 орудий и минометов на 1 км фронта. Но было ясно, что в период длительной артподготовки противник, особенно в глубине, сможет изготовиться для отражения нашего наступления. Проведение короткой и мощной артподготовки (в течение 1–1,5 часа) не обеспечивало надежности огневого поражения противника. Этот вопрос не раз обсуждался на встречах руководящего состава; шел мучительный поиск наиболее целесообразного решения.

Во второй половине июля А.М. Василевский вместе с К.А. Мерецковым прибыли на командный пункт 5-й армии в районе г. Кабанья (вост. Духовской), чтобы при участии командиров соединений еще раз рассмотреть вопрос о способе перехода в наступление. Командарм Н.И. Крылов предложил начать наступление вообще без артподготовки, внезапно перейдя госграницу силами усиленных передовых батальонов. Главные силы до начала перехода госграницы предполагалось держать в глубине, часть артиллерии выдвинуть ближе к границе и иметь в готовности к открытию огня. После напряженных раздумий, анализа всех плюсов и минусов предложение командующего армией было утверждено.

ПОДГОТОВКА ШТАБОВ И ВОЙСК

Как и в лучших операциях на советско-германском фронте, обращает на себя внимание исключительная тщательность в работе при подготовке Маньчжурской операции. Для управления войсками в Маньчжурской операции было развернуто полноценное и заранее подготовленное Главное командование войсками Дальнего Востока (Главком маршал А.М. Василевский, начальник штаба генерал С.П. Иванов, заместитель Главкома по ВМФ – адмирал флота И.Г. Кузнецов). Оно имело свой командный пункт, свои линии и средства связи. Главкомат войск Дальнего Востока в 1945 г. был более совершенным, чем институт представителей Ставки ВГК в период войны против гитлеровской Германии, особенно с точки зрения оперативного управления войсками (силами) в ходе операции. Однако и в стратегической операции на Дальнем Востоке планирование операции, подготовка оперативных директив фронтам, все виды снабжения войск осуществлялись Ставкой ВГК, Генштабом, соответствующими органами Наркомата обороны. А.М. Василевский со своей оперативной группой включился в работу по подготовке операции практически в конце апреля 1945 г., хотя официальное постановление ГКО о назначении Главкома, создании его штаба и других органов было подписано 30 июля, т.е. перед началом операции (видимо, из соображений оперативной маскировки). Главная установка на достижение скрытности подготовки операции и внезапности действий накладывала свой отпечаток и на деятельность командования и штабов. Были приняты строгие меры маскировки перегруппировки войск с запада. Никто, даже офицеры штабов не знали, куда и с какой целью перебрасываются войска.

После определения командующими замысла решения к планированию операции допускался ограниченный круг должностных лиц. Все документы исполнялись лично этими лицами без привлечения чертежников, машинисток и другого технического персонала. Например, в штабе 5-й армии мне пришлось работать в составе группы планирования во главе с начальником штаба армии генерал-лейтенантом Н.Я. Прихидько. В районе ст. Мучная нас закрыли в отдельном строго охраняемом домике, откуда никого не выпускали; еду нам приносили часовые. Работать приходилось почти круглыми сутками.

После рассмотрения и утверждения командующим, выработанные решения и планы доводились (в части касающейся) до подчиненных инстанций. Основные усилия командующих и штабов сосредоточивались в войсках на организации, боевом, тыловом и техническом обеспечении боевых действий. Учитывая большую роль передовых батальонов в этой операции, на 1-м и 2-м Дальневосточных фронтах их подготовкой занимались особенно тщательно. В нашей 5-й армии, например, эту задачу непосредственно на себя взял командующий генерал-полковник Н.И. Крылов.

С офицерским составом на картах и макетах местности были детально скрупулезно отработаны порядок скрытного выдвижения батальонов и перехода ими госграницы во взаимодействии с группами пограничников, которые досконально знали местность. В каждой дивизии были созданы учебные поля, которые воспроизводили районы обороны японцев со всеми заграждениями, долговременными огневыми точками, системой охраны и обороны. На этих учебных полях затем в течение недели шли тактико-строевые занятия с многократным повторением наиболее сложных приемов действий и отработкой взаимодействия между подразделениями различных родов войск.

Затем в течение 10–12 дней проводилось по 5–6 комплексных учений (большинство из них ночью) с привлечением всех сил и средств, участвующих в боевых действиях. В каждом таком учении участвовали командиры и штабы дивизий и полков, командиры и штабы дивизионной и полковых артиллерийских групп, авианаводчики, в полном составе передовые батальоны со всеми средствами усиления. В заключение в каждой дивизии проводилось контрольное учение под руководством командующего армией, где окончательно уточнялись и проверялись все вопросы организации и ведения боевых действий. Условия Дальневосточного театра военных действий усложняли

управление войсками. Большие пространства (удаление командных пунктов фронтов от командного пункта Главкомата – до 3 тыс. км, командных пунктов фронтов от армии – до 400 – 1000 км) создавали большие трудности в поддержании связи.

В пограничной зоне соблюдался обычный режим. Рекогносцировки проводились совместно с пограничниками и в форме погранвойск. Всюду были усилены охрана и пропускной режим, чтобы не допустить проникновения японской разведки. Скрытностью способствовал и выбор времени начала операции. Как потом показали пленные японские генералы, они полагали, что советское наступление, если и состоится, то не раньше сентября (в наиболее сухое время года), но не в августе, когда идут сильные дожди и дороги раскисают.

Большое внимание уделялось подбору кадров. К.А. Мерецков был назначен с Карельского на 1-й Дальневосточный фронт, Р.Я. Малиновский со 2-го Украинского, воевавшего в Карпатах, – на Забайкальский фронт, где были примерно схожие условия местности. Тщательно подбирались командармы и командиры дивизий с учетом того, кто из них больше имел опыта в прорыве обороны, в действиях в оперативной глубине и т.д. Для усиления войск Дальнего Востока с западных фронтов было направлено 10 тыс. офицеров, имеющих боевой опыт.

В связи с этим возникали и сложные моменты. Известно, что многие командующие и командиры, находящиеся на Дальнем Востоке, во время войны неоднократно подавали рапорты о направлении их на фронт. Но им объясняли, что они тоже выполняют боевые задачи и нужны здесь. Но когда такая пора настала, их начали сменять командиры, прибывшие с Запада. Были конфликты, эксцессы, некоторые генералы даже стрелялись. По-человечески все это можно понять. Но нельзя было допустить и того, чтобы командовали войсками генералы и офицеры без опыта, когда имелись закаленные, опытные кадры. Ложно понятая “справедливость” к отдельным личностям обернулась бы высшей несправедливостью к войскам, которые несли бы излишние потери из-за неопытности своих командиров. Как показывает опыт, военного человека никогда нельзя награждать должностью. На должность, особенно в боевой обстановке, следует ставить того, кто может лучше выполнить задачу.

Главком А.М. Василевский, командующие фронтами, армиями, командиры соединений немало потрудились и над тем, чтобы переломить психологию командиров, воевавших на Западе и нередко пытавшихся перенести опыт боевых действий на советско-германском фронте без учета весьма существенных особенностей обстановки на Дальнем Востоке. Много усилий потребовалось К.А. Мерецкову, Н.И. Крылову и другим, чтобы убедить всех командиров дивизий и полков в целесообразности начать наступление без артподготовки. Однажды при отработке возможного хода боевых действий на макете местности после подробных объяснений преимуществ внезапности действия Н.И. Крылов спросил: “Все ли убедились, что артподготовку не надо проводить?”. На это один из командиров дивизий ответил: “А может быть, хоть короткую артподготовку провести?” Командиру, привыкшему всю войну наступать только после артподготовки, трудно было психологически перестроиться.

УПРАВЛЕНИЕ ВОЙСКАМИ В ХОДЕ ОПЕРАЦИИ

Маньчжурская операция началась в 1 час ночи (по хабаровскому времени) 9 августа 1945 г. В это время в Приморье шел ливневый дождь, что затрудняло ориентировку и действия войск, но вместе с тем способствовало скрытности. Передовые батальоны в сопровождении пограничников без открытия огня бесшумно перешли границу и в ряде мест овладели долговременными оборонительными сооружениями врага еще до того, как японские расчеты успели занять свои позиции и открыть огонь.

Это создало условия для быстрого продвижения главных сил дивизий первого эшелона в глубину обороны противника. В некоторых местах, например, в районе Гродеково, где японцам удалось своевременно обнаружить выдвижение наших передовых батальонов и занять оборону, боевые действия затянулись. Но такие узлы сопротив-

ления умело обходились нашими войсками. Из некоторых дотов японцы продолжали вести огонь в течение 7–8 суток. Это еще раз говорит о том, что если бы наступление началось не с внезапной атаки, а после длительной артподготовки, то противник успел бы занять оборону на всех участках. Военные действия и в целом война могли затянуться, да и потери были бы более значительными.

Опыт Великой Отечественной войны показал, что чем лучше продумана и спланирована операция, тем меньше возникает управленческих проблем и тем меньше требуется вмешательства в действия войск в ее ходе. Но все заранее предусмотреть не удастся никогда. В ходе Маньчжурской операции, которая в целом развивалась весьма успешно, было немало случаев, когда вышестоящим инстанциям приходилось вмешиваться и соответствующим образом воздействовать на подчиненных. Особенно строго пресекались неточности в докладах об обстановке. В частности, за это были наложены взыскания на должностных лиц штабов 17-го стрелкового и 10-го механизированного корпусов. Тяжелый случай произошел, когда наша авиация допустила грубую ошибку и вместо объектов противника в районе ст. Эхо нанесла бомбовые удары по своим войскам в районе Мулина (главным образом по зенитной артиллерии и тылам 5-й армии). На Тихоокеанском флоте пришлось возвращать из района десантирования некоторые корабли из-за непродуманной погрузки грузов. То, что требовалось войскам после высадки в первую очередь – боеприпасы – и погрузили в первую очередь. В результате боеприпасы оказались завалены мукой и другими грузами.

В тяжелом положении оказались авангардные части Забайкальского фронта после преодоления Хинганских гор, поскольку дороги были забиты войсками, техникой, так что впереди действующим войскам невозможно было доставить дизельное и автомобильное топливо. В срочном порядке пришлось задействовать для этого самолеты.

В ряде районов в глубине обороны нашим войскам все же пришлось преодолевать ожесточенное сопротивление противника. В полосе 5-й армии с особой силой (автору пришлось это видеть лично) оно было оказано в районе Муданьцзяна. Были случаи упорного сопротивления противника в полосах Забайкальского и 2-го Дальневосточного фронтов. Противник предпринимал и неоднократные контратаки, но они умело отражались упреждающими ударами авиации и встречными ударами наших войск. Стремительно развивая наступление, войска Забайкальского фронта продвинулись к 14 августа до 400–450 км, 1-го Дальневосточного фронта – до 200–250 км, 2-го Дальневосточного – до 100–150 км. Тихоокеанский флот осуществил высадку десантов в Корею и на Курильских островах.

14 августа 1945 г. японское командование обратилось с предложением о заключении перемирия. Но практически военные действия с той стороны не прекращались. Лишь через три дня Квантунская армия получила приказ своего командования о капитуляции. Но и он не сразу до всех дошел; кое-где японцы действовали и вопреки этому приказу. Многие японские офицеры и солдаты считали, что император Японии не мог отдать такого приказа, и что по радио и в разбрасываемых листовках распространяется дезинформация. Практически военные действия продолжались до начала сентября. В целом японские войска в большинстве своем упорно сражались. Мне, например, с группой офицеров пришлось заниматься оказанием помощи 84-й кавалерийской дивизии генерала Т.В. Дедеоглу, которая попала в окружение и вела боевые действия до 7–8 сентября 1945 г.

Китайское и корейское население восторженно встречало советские войска. Части Народно-освободительной армии Китая и корейские партизаны стремились всячески содействовать нам. Однако в ходе операции перед советскими командирами, штабами и политорганами вставали сложные военно-политические вопросы: постоянно возникали конфронтационные ситуации и столкновения между Народно-освободительной армией Китая и войсками Гоминьдана, между различными политическими группировками в Корее, между китайским, корейским и японским населением. Требовалась постоянная напряженная работа во всех звеньях управления войсками, чтобы все эти вопросы своевременно решать.

В целом тщательная и всесторонняя подготовка операции, четкое и умелое управление войсками и силами в ходе наступления обеспечили успешное проведение этой крупнейшей стратегической операции. В ее результате японская Квантунская армия была полностью разгромлена; ее потери убитыми составили 84 тыс., было взято в плен свыше 600 тыс. чел. Безвозвратные потери наших войск составили 12031 чел., получили ранения 24425 солдат и офицеров.

В целом Маньчжурская стратегическая операция была осуществлена весьма успешно, ее цели были полностью достигнуты. Огромны значение, политические и военные итоги Маньчжурской операции. Советская Армия разгромила наиболее сильную Квантунскую армию Японии. Советский Союз, вступив в войну с милитаристской Японией и внося весомый вклад в ее разгром, ускорил окончание Второй мировой войны. Победа над Японией привела к возвращению СССР бывших российских земель, освобождению народов Китая, Кореи, Вьетнама, Бирмы от японских захватчиков, к подъему национально-освободительного движения во всей Азии, Тихоокеанском регионе. Наконец, японский народ получил освобождение от ига милитаризма и вступил в новый этап своего политического и экономического развития.

ПРОБЛЕМА ЯПОНСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ

Всего за период войны с Японией (9 августа – 2 сентября 1945 г.) советскими войсками было захвачено в плен и взято на учет в качестве военнопленных 639 635 солдат и офицеров противника. Из них 65 245 было освобождено распоряжением военного командования с августа по декабрь 1945 г.; 15 986 военнопленных умерли от ран и болезней во фронтовых лагерях. По данным тогдашнего НКВД, на территорию СССР было вывезено 546 086 человек. Такие цифры называл д.ю.н. В.П. Галицкий, исследовавший этот вопрос².

К концу 1956 г. на родину было репатрировано 577 567 японцев (основная масса из них – более 400 тыс. – в период с 1945 по 1948 гг.). К этому времени по различным причинам в плену умерло 62 068 военнопленных (это включая тех 15 986, что умерли во фронтовых лагерях). После 1956 г. в СССР оставалось 1036 японцев, осужденных за различные военные преступления³. В последующем назывались и некоторые другие данные. Почему происходил такой разбой в цифрах?

Официально войскам было дано указание брать в плен только японских военнослужащих. Но в ходе боевых действий и при занятии городов, других населенных пунктов было трудно, а иногда практически невозможно отличить полицейских, чиновников от военнослужащих и установить их принадлежность. Некоторые из них передевались в гражданскую одежду, а порою некоторые чиновники просто предпочитали сдать в плен советским войскам, не желая оставаться среди китайцев.

На основании приказа ВГК № 15147 командующие фронтами отдали распоряжения освободить из лагерей и распустить по домам следующие категории военнопленных: бывших солдат и офицеров армии Маньчжоу-Го, китайцев, корейцев, маньчжуров, монголов и т.д. В плену оставались лишь японцы и русские белоэмигранты. Это свидетельствует о несостоятельности разговоров о том, что в лагерях военнопленных собрали и держали кого угодно, в том числе гражданских людей⁴.

23 августа 1945 г. был подписан приказ об отправке на территорию СССР 500 тыс. военнопленных. В ноябре–декабре 1945 г., когда основная часть наших войск покинула Маньчжурию (кроме Порт-Артура и Дальнего), последовала команда: часть войск и японских военнопленных оставить на территории Китая до весны 1946 г. Например,

² Галицкий В.П. Вражеские военнопленные в СССР (1941–1945 гг.). – Военно-исторический журнал, 1990, № 9, с. 36–46; *его же*. Японские военнопленные в СССР: правда и домыслы. – Военно-исторический журнал, 1991, № 4, с. 66–78.

³ Гареев М.А. “Японская трагедия”: мифы и реалии. – Красная Звезда, 20.VIII.2005, 27.VIII.2005.

⁴ Гареев М.А. Победа на Дальнем Востоке. – Военно-промышленный курьер, 31.VIII.2005.

в нашей 5-й армии, дислоцировавшейся в северной части Маньчжурии, на 5 октября 1945 г. находилось 71 895 военнопленных. Из них сформировали 57 строительных батальонов. После отправки этих батальонов в Хабаровск и Барнаул в лагерях осталось 14 895 военнопленных. Причем, как свидетельствуют документы и очевидцы, строительные батальоны были обеспечены всеми положенными нормами продовольствия и вещевого имущества. Потребность в продовольствии исчислялась по нормам, существовавшим в японской армии.

Говоря о проблеме военнопленных, следует учитывать и сложность складывающейся тогда обстановки, в частности, обострение гражданской войны в Китае. К примеру, Чан Кайши стремился задержать нашу армию, опасаясь, что города и районы, покинутые советскими войсками, будут заняты сторонниками Коммунистической партии Китая. От того, остаются советские войска в Китае или уходят, зависела и судьба военнопленных. Как писал генерал Д. Макартур, планами США предусматривалось: “Не позволять советским войскам войти в боевой контакт Народно-освободительной армией Китая, помешать объединению сил коммунистов Китая с Красной Армией в Северо-Восточном и Северном Китае”⁵.

Сталин стремился налаживать отношения с китайским правительством Чан Кайши. В 1945 г. с этим правительством был заключен долгосрочный договор. Принимались также все меры для того, чтобы не давать никакого повода для осложнения отношений с американцами. Об этом можно судить по директиве Генштаба командующему войсками Забайкальского военного округа Р.Я. Малиновскому⁶.

Для объективного рассмотрения вопроса о военнопленных надо попытаться поставить себя на место политического руководства СССР и советского командования того времени. Война закончилась, японская армия капитулировала. Но что делать с военнопленными численностью более 600 тыс. чел.? Казалось бы, ответ простой: возратить японской стороне. Но как это сделать в условиях, когда Советский Союз вступил в войну против Японии по настоятельной просьбе союзников, воевали вместе, а мирный договор заключили без участия СССР?

Понятно, что формально, то есть с точки зрения международных правовых норм, можно в определенной мере упрекнуть советскую сторону за задержку военнопленных. Но как нужно было поступать, когда страну, потерявшую в войне почти 30 млн человек, внесшую большой вклад в победу, после войны оттеснили в сторону от процесса урегулирования обстановки вокруг Японии? Скажем, были нарушены союзнические соглашения об участии советских войск в контроле японской территории. После всего этого любая уважающая себя страна вправе была оставить за собой хоть какие-то рычаги влияния на послевоенные японские дела. Для этого в определенной мере использовалась и проблема военнопленных.

Во всяком случае, ясно одно, что нежелание Японии заключить мирный договор с СССР, ее сугубо проамериканская и антисоветская политика (иногда противоречащая японским интересам) во многом затормозили решение вопроса о военнопленных. Кроме того, с точки зрения сугубо практической, невозможно было, даже при желании советского правительства, в первое послевоенное время возратить Японии военнопленных.

Нельзя было ответить даже на такой вопрос: “Кому их передавать?” Сложившейся самостоятельной японской администрации еще не существовало. Передавать японских военнопленных американскому командованию было нелепо. Да и не положено военнопленных так из рук в руки передавать.

Отправлять пленных в Японию можно было только морем. Достаточным количеством морского транспорта для перевозки полумиллионной армии наша страна не располагала. Тем не менее при всех этих сложных обстоятельствах военнопленных начали отправлять в Японию уже в 1946 г.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

При рассмотрении технической стороны этого вопроса (в отрыве от военно-политических аспектов) делались предположения о возможности оставления военнопленных в Маньчжурии и передачи их китайской стороне. Но власть на местах в Китае часто менялась, следовательно, надежной администрации, чтобы контролировать лагерь военнопленных, не существовало. Важно и то, что японцы, особенно генералы и старшие офицеры, как только прошли слухи о возможной их передаче китайской стороне, взмолились перед представителями нашего командования не делать этого. Они прямо заявили, что сдаваться китайцам не будут. Когда в районе Дуньхуа один из лагерей (при выводе части советских войск) был временно передан гоминдановским войскам, то китайцы разогнали военнопленных, часть убили, а запасы продовольствия, оставленные нашей армией, просто-напросто забрали. В октябре 1945 г. поступило распоряжение выпустить на свободу служащих и рабочих японской армии, не состоявших на военной службе. Однако большинство этих людей отказывалось покидать лагерь. Ради объективности надо сказать и о том, что японцы в период своего господства всячески притесняли китайцев, корейцев и создавали для них жестокий режим существования. Поэтому давала о себе знать нескрываемая ненависть к японцам со стороны местного населения.

С учетом всех этих обстоятельств советским руководством было принято решение основную часть военнопленных отправить на территорию СССР в лагерь для военнопленных. Не все они, конечно, были в Сибири. Были и в других районах, например, в Средней Азии, где не бывает лютых морозов. Все тяжелобольные, бывшие японские военнопленные, в первую очередь инфекционные, были оставлены на территории Маньчжурии в специально оборудованных лагерях и переданы местным китайским властям. Для контроля за соблюдением условий содержания военнопленных здесь оставались небольшие группы советских сержантов и офицеров.

Что касается условий содержания и питания военнопленных в советских лагерях на территории Китая, то могу со всей ответственностью заявить, что они в основном соответствовали установленным нормам. Достаточно посмотреть директиву Ставки ВПК № 11126 от 17.08.1945 г. за подписями Сталина и Антонова, где прямо сказано: “С пленными японцами обращаться хорошо”⁷.

Впрочем, надо признать и то, что создать нормальные условия существования военнопленным в первую послевоенную зиму было довольно трудно. Представьте себе обстановку в ноябре–декабре 1945 г., когда часть наших войск уже убыла на территорию СССР, а остальным было приказано зимовать на территории Маньчжурии. Начались ранние морозы. Советские войска с трудом устроились в бывших японских городках, а часть – даже в полевых условиях. Военнопленные только частично были размещены в стационарных помещениях. Основная их масса к началу октября как была в поле, палатках, так и осталась. Поэтому лагеря пришлось наспех и в срочном порядке готовить к зиме.

Для усиления контроля за деятельностью администрации лагерей в каждой армии были созданы оперативные группы. Опергруппу 5-й армии было поручено возглавить мне. Мы требовали строгого соблюдения температурного режима в жилых помещениях, санитарных условий, установленных правил содержания бывших японских военнопленных. Пленные были распределены по подразделениям во главе с офицерами и унтер-офицерами (которые нередко обращались со своими солдатами довольно жестоко – нам часто приходилось это пресекать). Ежедневно проводились утренние и вечерние проверки. Поэтому разговоры насчет того, что “учет не велся, списков не было” – это досужие вымыслы.

Были временно изъяты из состава наших соединений и развернуты в районах расположения лагерей военнопленных 2 армейских полевых госпиталя, 10 медико-санитарных батальонов и рот. В результате смертность среди военнопленных резко сократилась. Но от тяжелых инфекционных заболеваний страдали и умирали не толь-

⁷ Там же.

ко пленные японцы, но и многие советские люди из числа медицинского и административного персонала, работавшего в лагерях. К сожалению, и автору этих строк в 1946 г. пришлось перенести сыпной тиф в тяжелой форме.

Не берусь судить, в каких условиях содержались военнопленные в Сибири, но можно не сомневаться, что и там японцы не содержались в таких ужасных условиях, как это было в японских лагерях для советских военнопленных в 1921–1922 гг. на Дальнем Востоке. Я уже не говорю о германских лагерях, где от голода и истязаний погибло более 3 млн советских военнопленных. Известно, что в лагерях для японских военнопленных соблюдались все японские национальные обычаи и праздники, практиковалось самоуправление и самообслуживание, выпускались свои газеты, создавались клубы по интересам. Если вспомнить о том, в каких тяжелых условиях жил наш народ в первые послевоенные годы (в ряде районов питание населения было хуже, чем у японских пленников), то вообще грех на нас обижаться, да еще предъявлять претензии. Во всяком случае, со стороны советской администрации каких-либо репрессий к военнопленным не применялось.

К тому же и сами бывшие японские военнопленные помнят не только плохое. Так, президент Всеяпонской ассоциации бывших военнопленных заявил, что в плену было тяжело. “Но помню не только ужасы сталинских лагерей. В 1946 году я попал в спецгоспиталь № 2 в сибирском поселке Новочунка, – вспоминал он. – От смерти меня спасли советские врачи и медсестры. Благодарность к ним в моей памяти постоянна. Тысячи японцев чувствуют то же самое по отношению к вашим людям”. Глава японской парламентской делегации Итира Конно после посещения лагеря № 48 в Ивановской области, где содержатся офицерский состав старшего звена, был удивлен хорошими условиями содержания военнопленных⁸.

Японцы, как правило, официально не хотели признавать себя военнопленными. Все это можно понять: в японской армии плен считается тягчайшим позором. Например, после поражения на реке Халхин-Гол в 1939 г. многие возвращенные нашей стороной пленные были казнены самими японцами. Однако суждения о том, что японских солдат нельзя считать военнопленными, не состоятельны. Советский Союз находился в состоянии войны с Японией, с обеих сторон велись боевые действия. Японские солдаты и офицеры были военнопленными, по отношению к ним в основном соблюдались все нормы международного права.

Прискорбный факт задержки японских военнопленных в СССР до 1956 г. также был порожден не только советской стороной. Согласно Женевской (1929 г.) и Гаагской (1907 г.) конвенциям пленных положено освобождать после акта окончания войны. СССР и Япония только 19 октября 1956 г. заключили соглашение о прекращении состояния войны, а мирный договор до сих пор так и не заключен. В свете всего этого неуместны заявления о том, что бедствия бывших японских военнопленных и послевоенная неурегулированность российско-японских отношений происходят только по вине российской стороны.

Безусловно, все, что делалось вопреки международным и двусторонним соглашениям, должно получить соответствующую оценку и последующую регламентацию. При необходимости нужно выдать и справки о труде в лагерях, предоставить списки бывших военнопленных, оказать помощь в обустройстве мест захоронения, решить другие назревшие вопросы. Но делать все это надо спокойно, объективно и по-деловому, не охаявая во всем свою страну.

“ПРЕТЕНЗИИ СССР ДОЛЖНЫ БЫТЬ УДОВЛЕТВОРЕННЫ”

Во многом надуманным является и вопрос о так называемых “северных территориях” и связанные с ним территориальные претензии к России. Достаточно сказать, что Сталин, Рузвельт и Черчилль без каких-либо возражений подписали в Ялте

⁸ Там же.

11 февраля 1945 г. соглашение трех держав по вопросам Дальнего Востока, где со всей определенностью отмечалось: “Претензии СССР должны быть, безусловно, удовлетворены после победы над Японией”⁹.

Что касается Японии, то обязательность для нее положений Ялтинского соглашения вытекает не только из принятой ею Потсдамской декларации, но и из Сан-Францисского мирного договора 1951 г., в котором зафиксировано, что Япония признает все решения и договоры союзников Второй мировой войны, т.е. и Ялтинское соглашение. Это признавалось и неоднократно заявлениями представителей японского правительства. Так, 6 октября 1951 г. при ратификации мирного договора в парламенте Японии заведующий договорным департаментом МИД Кумао Нисимура заявил: “Поскольку Японии пришлось отказаться от суверенитета на Курильские острова, она утратила право голоса на окончательное решение вопроса об их принадлежности. Так как Япония по мирному договору согласилась отказаться от суверенитета над этими территориями, данный вопрос, в той мере, в какой он имеет к ней отношение, является разрешенным”. 19 октября 1951 г. Кумао Нисимура на заседании специального комитета палаты представителей парламента Японии, где рассматривался вопрос ратификации Сан-Францисского мирного договора, подчеркнул: “Территориальные пределы архипелага Тисима (Курильских островов. – М.Г.), о которых говорится в договоре, включают в себя как Северные Тисима, так и Южные Тисима”¹⁰. Были и другие подобные официальные заявления. Таким образом, при ратификации японским парламентом Сан-Францисского договора высший законодательный орган японского государства констатировал факт отказа Японии от всей Курильской гряды.

Потсдамская декларация (п. 12) предусматривала (после урегулирования обстановки в Японии) вывод всех иностранных войск с ее территории. Но США всегда стремились сохранить часть своих войск на территории этой страны. Для прикрытия этого и надуманы проблемы “северных территорий”. Заключение в 1960 г. японо-американского “Договора безопасности”, направленного против СССР и Китайской Народной Республики, еще более осложнило разрешение вопроса о линии прохождения границы между Японией и СССР. Ибо, как справедливо подчеркивал профессор Восточного университета д.и.н. А.А. Кошкин, в сложившейся на Дальнем Востоке военно-политической обстановке “холодной войны” любые территориальные уступки Японии способствовали бы расширению территории, используемой иностранными войсками. Столкнувшись с нежеланием японского правительства, за спиной которого стояли США, выполнять положения совместной декларации и расценив подписание японо-американского “Договора о безопасности” (военного союза) как враждебный акт, советское правительство заявило, что вопрос о территориальном урегулировании с Японией после Второй мировой войны уже решен соответствующими международными соглашениями¹¹.

Характеризуя политику Японии в отношении СССР в годы “холодной войны”, профессор Калифорнийского университета (США) Цуёси Хасэгава отмечает: “Изменения, которые наступили в годы холодной войны, произошли не в советско-японских отношениях, они произошли в США, которые стремились избежать антиамериканизма и японского национализма... Проблема северных территорий позволила встроить Японию в глобальную стратегию США и, отводя японский национализм от себя, направить его против Советского Союза”¹². То есть во всех этих политических спекуляциях больше проглядываются интриги и геостратегические интересы США, чем подлинные японские интересы.

Вообще попытки пересмотра основополагающих решений и соглашений, закрепивших итоги Второй мировой войны, особенно по территориальным вопросам, по-

влекут за собой повальный обвал многих старых и новых противоречий и проблем, что может снова подвести весь мир к взрывоопасной черте, чреватой еще более непредсказуемыми последствиями, чем перед Второй мировой войной.

Интересы российского и японского народов, задачи сохранения международной стабильности требуют не взаимных обвинений, а объективной оценки истории Второй мировой войны. На основе знания исторического прошлого народы и их лидеры должны пристально всматриваться в будущее, думать о том, как объединить усилия для совместной борьбы с современными общими угрозами. Мы с уважением относимся к японскому народу, его солдатам, ставшим жертвами авантюристической милитаристской политики. Политики, которые сегодня пытаются снова поощрять насаждение зерен реваншизма в сознание японского народа, добра японцам не хотят. Перед памятью жертв российских, американских, китайских, японских и других солдат об этом сегодня можно твердо и однозначно сказать.

Мы, российские фронтовики, как и все люди, которым не безразличны честь и достоинство страны, вместе с ветеранами США, Англии, Китая и других союзных армий, со всеми антифашистами и антимилитаристами отметили 70-летие победы на Дальнем Востоке как день окончания Великой Отечественной и Второй мировой войн, как победный апофеоз.

⁹ Тегеран. Ялта. Потсдам. Сборник документов. М., 1967, с. 155.

¹⁰ Российская Газета (Федеральный выпуск), 28.X.2005.

¹¹ Кошкин А.А. Японский фронт маршала Сталина. М., 2004, с. 240–247.

¹² Там же.